

ЧИТАЯ КНИГИ

О. В. БОДРОВ, И. И. ШАРИФЖАНОВ, Б. М. ЯГУДИН

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ключевые слова: Б. Г. Могильницкий, история исторической мысли, историографическая революция, методология истории.

В 2008 г. был опубликован заключительный том фундаментальной трилогии по истории исторической мысли XX в., автором которой является известный российский ученый, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета Борис Георгиевич Могильницкий¹.

Трилогия Б. Г. Могильницкого — не первая попытка в отечественной историографии подвести итоги ушедшего века, провести своеобразную интеллектуальную инвентаризацию всемирного «Дома истории», поразмышлять о судьбе профессии, о достижениях и упущенных возможностях, о месте человека в истории и роли самой истории в обществе в трагическую эпоху, когда, казалось, сбылось пророчество Ницше и наступили «сумерки богов». Усилия по реконструкции целостной картины развития исторической науки в XX в. с разной долей успешности и с разных точек зрения, предпринимались с 2000 г.².

Трилогия выделяется из этого ряда по глубине замысла, содержательности и форме изложения материала. Она на сегодняшний день является, без преувеличения, уникальной профессиональной лодией в безбрежном океане истории, хотя сам автор скромно представил ее в качестве учебного пособия. Работа эта действительно выросла из цикла спецкурсов под общим названием «История исторической мысли XX в.», которые профессор Могильницкий читал студентам истфака Томского университета с конца 1980-х гг., когда впервые в учебных планах появилась новая дисциплина «Методология истории». Именно поэтому стиль произведения предельно отточен, отсутствует излишняя детализация, текст не перегружен специальными и «новомодными» на-

¹ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.; Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.; Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

² Историография истории нового и новейшего времени...; Биск. 2007; Смоленский. 2007; Калимонов. 2006; Румянцева. 2002; Репина, Зверева, Парамонова. 2004.

учными терминами и «фактологическими айсбергами». Автор уделяет внимание, прежде всего, анализу гносеологических основ исторической науки, ее глубинным мотивациям, обусловленным внутренними закономерностями трансформации исторического познания. Во-вторых, он стремится охватить онтологические корни исторического познания, охарактеризовать влияние на него глобальных процессов, пронизывающих насквозь парадоксальный и драматичный XX век.

Б. Г. Могильницкий называет свой труд «историей исторической мысли» и в таком ключе до сегодняшнего дня в России не было обобщающих работ, включающих общественную и философскую мысль, идеологические постулаты различных идейно-политических течений и доктрин, собственно теоретико-методологические концепции и конкретно-исторические практики, а при этом еще и содержательный анализ биографий творческих носителей этих идей.

Именно *проблемно-биографический подход*, на наш взгляд, делает структуру работы более репрезентативной, удобной и интересной для восприятия, когда узловые проблемы на том или ином этапе развития исторической мысли доносятся до читателя не из абстрактного «мира идей», а прорастают из гуши действительности, из творческих судеб и жизненных коллизий реальных персонажей истории. В этом и заключается тот несомлаемый «диалог во времени», в котором прошлое (в лице историка) и настоящее (в лице его исследователя) встречаются лицом к лицу. Только тогда, когда это происходит, начинаешь глубже осознавать мотивы поступков, понимать, что теоретико-методологические взгляды и концепции — не что-то надуманное, отвлеченное и формальное, но это твоя жизненная позиция, способ включенности в общественную жизнь и, в конечном итоге, — твоя судьба. Именно так воспринимаешь биографию и социальный активизм историков-солдат: М. Блока, А. Пиренна, И. Хейзинги, Ф. Броделя, Л. Февра.

Трилогия Б. Г. Могильницкого отличается также спецификой *страноведческого подхода*. Это означает, что в ней присутствует «бие и дух» интеллектуальной жизни Франции, когда речь заходит об «Анналах»; Германии и Англии, когда повествуется о М. Вебере и А. Тойнби. Автор сумел охватить не только западноевропейскую историческую мысль: российская и американская также присутствуют в тексте в фигурах своих ярких представителей и в проблемах их творчества.

Первый том «Кризис историзма», открывающий трилогию, охватывает период с последней трети XIX в. до 1960-х гг., т.е. почти 100 лет. Автор прослеживает сложный путь развития исторической мысли в самое трудное «сумеречное» время истории XX в. — в эпоху двух миро-

вых войн и выделяет в ней несколько узловых проблем и этапов. Он дает развернутое определение таким фундаментальным понятиям, как «парадигма» в истории и некоторым другим. Но все же ключевое понятие, которому уделено основное внимание, — это кризис исторической науки и здесь автор вносит несколько принципиально новых штрихов. В его понимании, кризис — это не только выражение упадка науки, но и необходимая предпосылка ее дальнейшего развития, своеобразный «момент истины». По меткому выражению Б. Г. Могильницкого, это тот «питательный бульон», из которого вырастает новая научная парадигма. Но кризис в исторической науке имеет еще и ярко выраженный социальный аспект, который существенно осложняет положение предшествующей научной парадигмы. На наш взгляд, можно назвать это своеобразной обратной связью исторической науки и жизни, или, по Тойнби, алгоритмом «вызов-ответ». Поэтому Б. Г. Могильницкий употребляет понятие кризиса в двух смыслах: узком (как методологический) и широком (как общий кризис исторической науки в XX в.).

Второй том трилогии озаглавлен «Становление «новой исторической науки» и, на первый взгляд, хронологически совпадает с первым выпуском. Тем не менее, в нем представлена совершенно иная, альтернативная картина развития исторической мысли, зажатая годами «военного лихолетья» и эрой двух мировых катастроф, когда строго говоря, было, в общем-то, не до истории. Однако, именно эта эпоха предстает под пером автора с жизнеутверждающей силой, полной интеллектуальной энергии и с жадной борьбы за свое собственное будущее.

Если общая тональность первого тома проникнута пессимизмом, утратой старого образа истории XIX в., потерей веры в ее могущество и в высшее предназначение как «царицы наук», то второй том дает обнадеживающий ответ на эти вызовы. Красной нитью проходит главная мысль о бескомпромиссных и беспощадных «боях за историю», которые вели ее лучшие представители (в том числе и ценою собственной жизни), для которых победа в войне с фашизмом и бои за преодоление «кризиса основ» слились в единое силовое и духовное поле. Не случайно столь большое место автор уделяет деятельности первого «боевого» поколения выдающихся анналистов М. Блока и Л. Февра, в предвоенные и военные годы теоретически сформулировавших и обосновавших в своей конкретно-исторической практике основные принципы построения «новой истории», несмотря на то, что востребованными они оказались в мировой науке в 1960-е и, особенно, 1970-е гг., в пору на-

чавшейся методологической революции. Они оказались своеобразным мостом между «старой» XIX в. и «новой» историей века двадцатого.

Вторая половина тома посвящена анализу послевоенной ситуации в духовной и научной жизни стран Запада, когда живительные и плодотворные для исторической мысли идеи неопозитивизма и марксизма способствовали укреплению общенаучного статуса истории, преодолению кризиса и обновлению ее фундаментальных теоретических основ.

Третий том «Историографическая революция» венчает собою плоды многолетних усилий ученого в изучении полного драматизма и противоречий развития исторической мысли в XX в. Хронологически он охватывает период с последней трети XX в. и включает первое десятилетие XXI в. В этом томе представлена широкая панорама напряженных теоретических поисков и практических усилий в окончательном преодолении «кризиса основ», а также выработке новых методологических принципов, отражающих новые веяния в социогуманитарном знании и укрепляющих сциентистский и социальный статус исторической науки.

Данный том, как и два предыдущих, имеет собственную специфику. По словам автора, речь идет практически о современном историографическом процессе, еще не вылившемся в законченные формы. Поэтому в основе своей он остается недостаточно отрефлексированным³. Следующую особенность автор увязывает с множественностью и полицентризмом нарождающихся познавательных принципов и исследовательских стратегий, что намного осложняет проблему отбора историографических фактов для их последующего анализа. И здесь ученый полноправно вступает в свое авторское право выбора наиболее ярко проявившихся тенденций, а посему речь может идти только об идеальной-типической картине историографического процесса, имеющей гипотетический характер. Выбранный автором подход позволяет в масштабной и полифоничной интеллектуальной «картине мира» рубежа веков убедительно и последовательно выделить две разнонаправленные тенденции, первая из которых — «сциентизация исторической науки», вторая — «субъективный поворот» (или «вызов постмодернизма»). Именно они обе отразили глубокие перемены, происходившие в общественном сознании, порожденные, в первом случае, научно-технической революцией с ее культом науки и научного знания, а во втором — бурными социально-политическими процессами последних десятилетий XX в., начало которым положил взрыв студенческого движения в 1968 г.⁴

³ Могильницкий. 2008. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

Хотелось бы указать еще на одно отличие третьего тома, а, именно, с каким неослабным, пронизательным и по отечески мудрым взглядом автор наблюдает за современной историографической ситуацией в нашей стране. В тексте представлены наиболее заметные фигуры отечественных историков, плоды усилий которых Б. Г. Могильницкий поднимает на уровень теоретико-методологического осмысления, вступает с ними в незримый диалог и, таким образом, включает в качестве равноправных участников в процесс историографической революции, охватившей научный мир Запада.

И еще одно, центральное, понятие присутствует в книге — это, собственно, сама «историографическая революция», являющаяся ключевым феноменом рассматриваемого периода. В ее характеристике автор исходит из броделевской трактовки революции как диалектического единства кратковременных событий — взрывов и длительных латентных процессов, их подготавливавших. Речь идет о некоем *историческом и историографическом континууме*, в котором происходит нарастание критической массы, завершаемое революционным взрывом. Другими словами, историографическая революция, утверждает историк, это и событие, и процесс, имеющий свою предысторию, освещению которой были посвящены предыдущие тома. Это именно процесс, а не серия спонтанных, дискретных, разнонаправленных взрывов, подготовленный как внутренней логикой развития исторической науки, так и всепроникающим влиянием жизни, многообразными импульсами, исходящими от общества, на которые она всегда чутко реагирует⁵.

Автор указывает на принципиальное отличие историографической революции последней трети XX в. и «образа истории XIX в.». Первая органически связана с преодолением общего кризиса историзма, поставившего профессию историка на грань выживания как научную дисциплину, способную дать адекватное знание о прошлом. В общественно-историческом сознании была восстановлена связь времен, открывшая возможность постижения закономерностей движения истории. Но это не было реанимацией правившей в XIX в. эмпирико-позитивистской парадигмы истории. Между этой последней и «новой исторической наукой» стоял опыт XX в., отразившийся на ее эпистемологических основаниях и на общем облике. Историческая наука утратила былую самоуверенность всезнайства, но, обогащенная реалиями XX в., обрела новое понимание *человека в истории* как ее настоящего предмета⁶.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 11-12.

Каковы же основные этапы развития историографической революции, можно ли их с уверенностью выделить? Б. Г. Могильницкий дает на это утвердительный ответ. Он считает, что в самом общем виде этот процесс имеет три периода: объективистский (сциентистский), субъективистский (постмодернистский) и синтезирующий. Первый из них падает на 1960–1970-е гг., второй охватывает 1980-е – начало 1990-х гг., третий начинается в 1990-е гг. Автор подчеркивает при этом, что периодизация носит достаточно условный характер, ибо в одно и то же время сосуществовали и конкурировали различные методологические подходы и исследовательские практики, — но она помогает выделить присущие каждому этапу доминанты⁷.

Ученый артикулирует важнейшую, по его мнению, характеристику сциентистского этапа — рывок истории к социальным наукам. Его следствием стало широкое обращение к междисциплинарным исследованиям, придавшим дисциплине новое измерение. В этот период главной доминантой была «новая научная история», а ее сердцевиной — проект «глобальной истории» Ф. Броделя. В то же время, отмечая триумфальное шествие по научному миру «школы Анналов» и приоритет социологизированной истории, автор указывает и на ее слабые места, которые, в конечном итоге, приведут к ее смене другой доминантой. Так, кризис школьного преподавания истории во Франции, на что обращал внимание, в том числе, и президент Ф. Миттеран, был связан с опасностью растворения истории в социальных науках и вытекающей отсюда ее фрагментаризации. А быстрый рост разнокачественных в методологическом плане субдисциплин создал реальную угрозу целостности исторической науки, которая стала «превращаться в дом с наглухо закрытыми дверями, но зато широко распахнутыми окнами»⁸.

Второй этап начинается в 1980-е гг., когда пришло осознание исчерпанности эвристического потенциала «новой научной истории», а, вместе с нею, вся сциентистски ориентированная историография представлялась уже анахронизмом, не дающим ответа на запросы общества. Параллельно этому разворачивался процесс переключения интереса историков со структур — на человека, их творца. Наступало время второго этапа историографической революции, когда вместо глобальных макроисторических построений доминантой становится микроистория, изучение единичного события, индивидуальной ситуации, даже казуса. Это не было возвращением к неокантианскому идиографизму, так как в

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 26-27.

каждом единичном случае отражалось общее, что и привлекало к нему внимание исследователя. «Душой» нового этапа стал «антропологический поворот», когда представители микроистории погрузились в мир внутренних переживаний отдельной личности, ее мировосприятия и жизненных установок в различных исторических ситуациях⁹. Это, в свою очередь, оживило интерес к субъективному началу в истории, а с ним накатила новая волна релятивизма и постмодернистской критики. Автор обоснованно замечает, однако, что постмодернистский этап историографической революции, взятый в его чистом виде, был самым коротким в ее бурном течении. От себя добавим, что насколько коротким он был, настолько же революционным и взрывным, он принес с собою идеи радикального обновления теоретико-методологических основ профессии историка и поставил больше вопросов, чем дал ответов.

Третий этап, интегрирующий достижения первых двух, очень точно определяется автором как синтезирующий. Фокусируя историческую профессию на изучении мира человеческой субъективности, он не только не исключает, но и прямо предполагает обращение к широкому социальному контексту, в который погружен человек. Личность так же творит социальные, политические и иные структуры, как и они формируют ее: возможно именно здесь, по мнению автора, в поле, очерченном диалектикой объективного и субъективного в историческом процессе и познании, и следует искать черты новой парадигмы истории — XXI в.¹⁰

Говоря о состоянии, переживаемом мировой исторической наукой на рубеже XX–XXI вв., автор отмечает, что эта «историографическая революция» не первая и, скорее всего, не последняя¹¹. В такие переломные моменты только возрастает глубокая зависимость историков от современной эпохи и ее перипетий, когда под воздействием внешних импульсов и осмысления роли и места в них исторической науки, ее теоретической, статусной и «целевой» составляющих, ученым приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные поколениями предшественников, менять перспективу своего видения прошлого. «Вот почему, — пишут авторы содержательного учебного пособия по методологии истории, — так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и анализ научных концепций, подходов, интер-

⁹ Там же. С. 33–34.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ *Патрушев*. 2000. С. 413 и др.

претаций в контексте личных судеб и общественных процессов сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия...»¹².

В этом смысле Б. Г. Могильницкий остается верным своему проблемно-биографическому подходу и прослеживает новейшие тенденции в мировой историографии через творчество и ценностные установки их носителей на примере представителей «школы Анналов», изначально объединенных общими методологическими установками и общим целеполаганием. Творчество яркого выразителя идей третьего поколения анналистов Ж. Ле Гоффа автор определяет как промежуточное звено в движении к антропологизации исторического познания, сопровождающегося отказом от историко-социологических построений в духе «глобальной» истории Броделя. Это был качественно новый этап в «трансформации «Анналов», который обозначается как «антропологический поворот»¹³. Но особенно кризис макротеорий, подобных структурализму и марксизму, нарастание тенденций неокантианского идиографизма и субъективизма, постмодернистский вызов с определенной антициентистской направленностью (что все вместе являлось содержанием второго, субъективистского этапа историографической революции), по мнению Б. Г. Могильницкого, получил наиболее развернутое выражение в творчестве четвертого поколения «Анналов». Автор подробно анализирует два его программных манифеста 1988 и 1989 гг., за которыми стояли такие историки, как Бернар Лепти, Жак Ревель, Роже Шартье, Пьер Нора, Жак-Ив Гренье, провозгласившие поворот к субъективности как генеральную линию развития современной исторической мысли¹⁴. Творчество перечисленных историков и наиболее репрезентативного из них, по выбору автора, П. Нора, с его акцентированным вниманием к проблеме исторической памяти, отразило основные направления современной французской историографии. Начатое уже в рамках третьего поколения превращение школы в широкое научное движение получило здесь свое логическое завершение.

Таким образом, в спорах об «Анналах», которые ведутся на протяжении последних десятилетий в мировой историографии, российский историк занял четкую и оптимистичную позицию. Эта авторская линия определена им в главе V «Новая научная история», в которой утверждается, что творчество третьего поколения «Анналов» предельно раскрыло познавательные возможности «новой научной истории». Именно во

¹² Ретина, Зверева, Парамонова. 2004. С. 280.

¹³ Могильницкий. 2008. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 243.

Франции, впервые были сформулированы и получили блестящую реализацию в исследовательской практике фундаментальные принципы центрирующейся *вокруг человека* «новой социальной истории»¹⁵. Подробно характеризует автор и другие дисциплины «новой научной истории», такие как история ментальностей, психоистория, клиометрия и др. Б. Г. Могильницкий особо выделяет тот факт, что именно с «новой научной историей» был связан определенный поворот во взаимоотношениях между западными и советскими историками. Среди достижений последних он справедливо выделяет такие направления, как изучение западноевропейской средневековой культуры (А. Я. Гуревич) и применение количественных методов и математических моделей к изучению истории (И. Д. Ковальченко). Данный факт, на наш взгляд, не просто дань уважения к коллегам по «профессиональному цеху», но и одно из доказательств наличия «всемирно-исторического контекста в историографической революции», общих магистральных путей ее поисков.

Эта мысль Б. Г. Могильницкого о «включенности» и достойном вкладе российской исторической науки в «копилку» «историографической революции» особенно громко звучит в заключительных IX и X лекциях III тома. Автор прорисовывает отчетливое «женское лицо» отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. в творческих портретах наших уважаемых профессоров Л.П. Репиной, Н. Л. Пушкаревой и И. Ю. Николаевой. Каждая из них внесла свой вклад в теорию и практику женских и гендерных исследований. Первооткрывательницей направления «женской истории» в России Б. Г. Могильницкий называет Н. Л. Пушкареву, перу которой принадлежит фундаментальная монография¹⁶ и ряд других содержательных работ¹⁷. Он отмечает их новаторский характер не только в российской, но и в мировой науке. Выполненные в режиме большого времени, ее труды по истории частной жизни русской женщины основываются на органическом включении гендерных сюжетов в широкий исторический контекст. Благодаря им в современной гендерной истории был освоен широкий массив ранее неизвестного уникального материала, касающегося русской цивилизации. Знаковым событием называет Б. Г. Могильницкий создание в 2007 г. Российского национального комитета Международной федерации по изучению женщин, председателем которого стала Н. Л. Пушкарева¹⁸.

¹⁵ Там же. С. 138-139.

¹⁶ *Пушкарева*. 2002.

¹⁷ *Могильницкий*. 2008. С. 359.

¹⁸ Там же. С. 385-386.

Дальнейшее развитие женских и гендерных исследований в России автор связывает с научным коллективом, сформировавшимся на базе ИВИ РАН, под руководством Л. П. Репиной, президента Общества интеллектуальной истории, главного редактора известных периодических изданий «Адам и Ева» и «Диалог со временем», автора капитальной монографии¹⁹, выход в свет которой Б. Г. Могильницкий называет событием в научной жизни страны. Главный посыл ее творчества связан с изучением очередной «стадиальной формы исторической науки», смысл которой — в синтезе новейшей социальной и интеллектуальной истории, постепенно трансформирующихся в социокультурную историю. Именно в такой широкий контекст Л. П. Репина органично вписывает женские и гендерные исследования²⁰. Следующим шагом в их осмыслении стала еще одна содержательная книга Л. П. Репиной²¹.

На примере трудов Н. Л. Пушкаревой и Л. П. Репиной автор делает вывод, что в своих личностных выражениях женские и гендерные исследования в России быстро обрели концептуально самостоятельный характер, корнящийся в отечественной традиции широких историко-социологических построений²².

В качестве примера интенсивного развития современных женских и гендерных исследований в регионах России Б. Г. Могильницкий приводит деятельность Центра гендерных исследований в Томском университете под руководством проф. И. Ю. Николаевой. Результатом научно-исследовательской и учебно-методической работы Центра, по мнению Б. Г. Могильницкого, стало рождение в рамках Томской историографической школы особого научного направления, концентрирующегося на изучении гендерной идентичности в России и Западной Европе в Средние века и раннее Новое время²³. Магистральное направление обозначено в недавнем капитальном труде И. Ю. Николаевой²⁴, где центральное место занимает исследование бессознательного, рассматриваемого в широком социально-историческом контексте посредством привлечения взаимодополняющих исследовательских стратегий, выработанных в различных областях гуманитарного знания (так называемый метод междисциплинарного изучения ментальных явлений на базе компле-

¹⁹ Репина. 1998.

²⁰ Могильницкий. 2008. С. 386-388.

²¹ Репина. 2002.

²² Могильницкий. 2008. С. 397.

²³ Там же. С. 432-433.

²⁴ Николаева. 2005.

ментарных концепций)²⁵. Гендерная же составляющая данной проблемы связывается с приближением к пониманию различий гендерного сознания и поведения на разной культурно-исторической почве²⁶.

Заключительная лекция X озаглавлена «Исторический синтез в перспективе «долгого времени»: новые подходы» и посвящена третьему, синтезирующему этапу историографической революции, который становится заметным с 1990-х гг. В пестрой палитре красок, характеризующих нынешнюю интеллектуальную ситуацию, Б. Г. Могильницкий усматривает все отчетливее проступающие «макроисторические тона», позволяющие говорить о новом витке интереса к крупномасштабным построениям, ориентированным на выявление общих закономерностей исторического процесса. Вновь возвращается парадигма общих законов истории, уходящая своими корнями к Геродоту, но отвергнутая неоконтианским идиографизмом на рубеже XIX-XX вв., то самое «золотое руно» нашей науки, за которое весь XX век шли «бои за историю».

Автор анализирует указанную традицию на двух ярких примерах, воплощенных в концепции миросистемного анализа и теории цивилизаций. Он подчеркивает существенную черту этих подходов, указывающих не только на движение истории к социальным наукам, но и *на обратное движение*. Тем самым проблема междисциплинарности приобретает новый аспект. «Если до этого, — пишет историк, — она рассматривалась в наших лекциях под углом зрения обращения истории к социальным и гуманитарным наукам, то сейчас речь идет о включении этими последними **исторического измерения как базового** в их социокультурных проектах, эффективно использующих язык долгого социально-исторического времени. Сам этот факт может рассматриваться как свидетельство возросшего в годы историографической революции научного потенциала истории. Вопреки постмодернистским попыткам «убийства истории» как науки, ее научность явилась фактором трансформации социальных наук, их **историзации**»²⁷.

Основателем миросистемного анализа стал один из самых ярких и парадоксальных современных мыслителей, американский социолог И. Валлерстайн. Говоря о формировании его взглядов, Б. Г. Могильницкий указывает на особую роль марксизма, леворадикальных идей и методологии «школы Анналов». Классический образец концепции Вал-

²⁵ Могильницкий. 2008. С. 406-407.

²⁶ Там же. С. 409.

²⁷ Там же. С. 437.

лерстайна представлен в его фундаментальной трилогии²⁸. В ней базовым объектом социально-исторического исследования является не общество, не формация или цивилизация, а миросистема. Это не система в мире, а *система, которая сама есть мир*. Могильницкий подчеркивает, что многочисленные выступления Валлерстайна 1990-х гг., собранные в недавнем сборнике²⁹, проникнуты верой в социологию XXI в. как *единую историческую социальную науку*, построенную на прочных нравственных основаниях, что свидетельствует об органическом единстве его теоретических взглядов и исследовательской практики³⁰.

Наряду с миросистемным анализом свидетельством интереса к макроисторическим построениям являются оживленные дискуссии вокруг проблем глобальной истории или глобалистики. Автор отмечает, что последняя позиционируется как одно из самых перспективных направлений макроистории³¹. В этих разработках активно присутствуют и труды российских исследователей А. С. Ахиезера, В. П. Булдакова, И. Н. Ионова, М. А. Чешкова, В. М. Хачатурян и др. Предметом изучения глобалистики являются локальные цивилизации, рассматриваемые во взаимосвязи с другими цивилизациями. Именно в такой форме глобальные исследования получают сегодня широкое распространение в отечественной историографии, а также внедряются в учебный процесс в качестве школьных учебников³². Цивилизационный подход возвращается в историческую науку и образование на качественно новом этапе макроисторических исследований, поскольку российский локальный феномен цивилизации прочно вписан во всемирно-историческую канву.

Подводя итог третьему тому, да и всей трилогии в целом, следует подчеркнуть исторический оптимизм и уверенность ее автора в познавательных возможностях исторической науки. Б. Г. Могильницкий утверждает тезис о востребованности истории в грядущем мире:

«Чтобы создавать его и жить в нем, человек должен владеть историей, соединяющей настоящее и прошлое в одну цепь, и чем более настоящее не подходит на прошлое, тем настоятельнее становится необходимость прояснения его корневой системы, чтобы в нашем сознании не прервалась великая связь времен. В этом смысле мы вправе именовать **XXI век историческим**, разумея под этим возрастающее значение исторического измерения в его пости-

²⁸ Валлерстайн. 1974–1989.

²⁹ Валлерстайн. 2003.

³⁰ Могильницкий. 2008. С. 438.

³¹ Там же. С. 458.

³² Там же. С. 473.

жени, а значит, и в социальной адаптации человека к быстро и кардинально меняющимся реалиям его жизни»³³.

Тем более что катастрофический по своим последствиям XX век дает наглядный пример выживания и борьбы истории за свои права и свое предназначение, что так блестяще и масштабно продемонстрировал Б. Г. Могильницкий в своем фундаментальном труде.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Биск И. Я.* Методология истории. Курс лекций. Иваново, 2007.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI в. М., 2003.
- Валлерстайн И.* Современная миросистема. В 3 тт. 1974–1989.
- Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие для студентов / Под ред. И. П. Деметьева, А. И. Патрушева. М., 2000.
- Калимонов И. К.* Основы научных исследований: зарубежная история. Учеб. пособие. Казань, 2006.
- Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.
- Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.
- Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
- Патрушев А. И.* Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие. М., 2000.
- Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения женской темы российской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы и библиография. М., 2002.
- Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.
- Репина Л. П.* Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Пармонова М. Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004.
- Румянцева М. Ф.* Теория истории. М., 2002.
- Смоленский Н. И.* Теория и методология истории: Учеб. пособие. М., 2007.
- Бодров Олег Вячеславович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; hist.dep@ksu.ru.
- Шарифжанов Измаил Ибрагимович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Email.Sharifzhanov@ksu.ru.
- Ягудин Булат Мухамедович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Boulat.lagoudin@ksu.ru.

³³ Там же. С. 529.